

СЛАВИСТИКА СЕГОДНЯ

© 2009 г. А. М. Молдован

Сокращенный вариант доклада, прочитанного автором на XXIV Международном съезде славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.).

This is an abridged version of the paper presented at the 24th International Congress of Slavists (Ohrid, Macedonia, 10–16 September 2008).

Изучение славянских языков и культур в различных аспектах является важной задачей современной науки, поскольку славянские народы составляют почти половину населения Европы, а по численности говорящих славянские языки находятся в Европе на первом месте.

Славистика, принадлежащая по своему происхождению к сравнительно-исторической парадигме языкознания, складывалась как область взаимодействия различных гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, фольклористики, этнографии, искусствоведения, археологии, истории материальной и духовной культуры и др. В центре внимания славистики находится тесное переплетение истории языка и всеобщей истории, отражаемая в языке социальная деятельность во всех областях жизни. Подобным образом организовано изучение и других языковых семей; аналогичную структуру дисциплин имеют, например, германистика, тюркология и романистика.

Комплексный характер славистики обусловлен спецификой славистических проблем, изучение которых требует коллективных усилий и международной координации работ. Иначе невозможно справиться с такими масштабными задачами, как, например, выявление и описание памятников древней славянской письменности, их исследование и научное издание; изучение эволюции церковнославянского языка – общего для православных славян языка письменности, определявшего историческое развитие славянских литературных языков; диалектология и лингвогеография славянского ландшафта; собирание и изучение славянского фольклора и др.

Для организации и координации этих работ с начала прошлого века славистами проводятся международные съезды. Их цель – решение проблем, которые обусловлены общностью истории славянских народов, их методология – сравнительность, историзм и типология¹. Съезды являются главным форумом, на котором читаются до-

клады по наиболее актуальным проблемам славистики. Репрезентативность докладов обеспечивается их конкурсным отбором национальными комитетами, а установленная правилами съездов обязательность публикации докладов позволяет документировать наиболее важные моменты развития мировой славистики. На съездах происходит обмен мнениями между участниками, определяются приоритетные задачи славистики, получают экспертную оценку международные исследовательские проекты, обсуждаются важные теоретические и организационные вопросы. В период между съездами действуют международные научные комиссии по различным направлениям славистики, организующие научно-исследовательскую работу ученых в разных странах, проведение конференций, издание трудов и т.п.

Уже на первых съездах были определены специфические задачи, требующие комплексного решения и взаимодействия различных гуманитарных дисциплин и коллективных усилий ученых, специализирующихся в разных областях славистики. К ним были отнесены проблемы этногенеза славян, ареальные исследования, славянский фольклор; исследование и научное издание славянской Библии, изучение эволюции церковнославянского языка, история славянских литературных языков, сравнительно-историческое изучение славянских литератур и др. С тех пор в этих областях славистики сделано так много, что сегодня даже простое перечисление всех этих достижений – задача практически невыполнимая. Попытаемся выделить среди них те, которые кажутся особенно значительными.

Одним из важнейших и бесспорных достижений является *Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА)*. О необходимости его создания еще на первом съезде славистов говорили А. Мейе и Л. Теньер². С тех пор работа над атласом всегда признавалась в качестве одной из первоочередных славистических задач. Сегодня ОЛА – это

вышедшие из печати одиннадцать томов карт с комментариями, в которых впервые определена территориальная стратификация многих праславянских языковых явлений³; а также 26 томов серии “Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования”, посвященных теоретическому обобщению опыта работы над ОЛА.

Создание ОЛА – монументальный труд международного коллектива ученых. Его подготовка осуществлялась параллельно с работой над большим количеством региональных и общенациональных лингвистических атласов славянских языков. Сегодня вся эта совокупность лингвогеографических данных обеспечивает материальные основания для обсуждения общеславянской тематики в разных ее аспектах – от праславянской эпохи до формирования современных славянских диалектов.

Завершена многолетняя работа над другим международным лингвогеографическим проектом – *Общекарпатским диалектологическим атласом (ОКДА)*. Опубликованный в семи выпусках⁴, атлас позволяет исследовать процессы взаимодействия и интерференции славянских и неславянских языков Карпат и смежных регионов, выявляя сходные лексико-семантические элементы в диалектах генетически близких и генетически далеких языков (карпатизмов), возникших в результате длительных контактов и многократных перекрестных заимствований, которые привели на этой территории к созданию определенной культурной и языковой общности.

В настоящее время ведется работа над *Малым диалектологическим атласом балканских языков (МДАБЯ)*, также создаваемым международным коллективом ученых. Помимо лексического материала, этот новаторский проект впервые включает синтаксическую и этнолингвистическую программы. Вышли из печати два выпуска лексической серии атласа, а также пробный выпуск, дающий общее представление о распределении грамматических и лексико-семантических явлений в балканском ареале⁵.

С появлением этих фундаментальных диалектных атласов и достижениями лингвогеографии отдельных славянских языков обнаруживается необходимость совершенствования аппарата диалектологического истолкования полученных данных. Решение этой задачи обеспечивается успехами славянской этимологии и праславянской этимологической лексикографии – прежде всего такими фундаментальными словарями, как “*Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)*”⁶ и “*Ślownik prastowiański*”⁷. Ареальная проекция собранного в них лексико-этимологического материала спо-

собствует изучению проблематики этногенеза славян, праславянского языка и древнейших славянских языковых контактов с другими народами (прежде всего балто-славянских языковых отношений), которая традиционно активно дебатруется на съездах. В ходе этих дискуссий был рассмотрен значительный объем сведений, уточняющих старые теории и постулаты или меняющих традиционные представления (теория родословного древа, единого общеславянского праязыка и т.п.). Тем не менее пока не увенчались успехом многочисленные попытки локализовать “прародину” славян; и сегодня кажется, что обсуждение этой проблемы зашло в тупик⁸. Развитие этой проблематики мыслится в следующих направлениях: создание подробных фундаментальных этимологических словарей отдельных славянских языков, широко охватывающих диалектную и историческую лексику⁹; выяснение вопроса о соотношении генетического и ареального на разных этапах развития славянских языков, в частности, полная инвентаризация южнославянско-балтийских изолексов во всех возможных аспектах (старославянский, болгарский, македонский, сербский и хорватский, словенский); продолжение работ в области праславянской лексической реконструкции и выяснение регулярных семантических отношений в праславянском; изучение роли “народной” этимологии в истории языка и в научной этимологии и др.¹⁰

Уникальный материал для исторической лингвогеографии славян и понимания традиционной славянской культуры дают *этнолингвистические исследования*. Этнолингвистика отражает давние традиции комплексного подхода к фактам славянских языков, фольклора и народного быта, целью которого является реконструкция их культурного содержания. Как особое и весьма плодотворное направление в славистике этнолингвистика оформилась в последние десятилетия, благодаря деятельности Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Е. Бартминьского, Л. Раденковича и их коллег. Результаты этой работы нашли отражение в ряде монографий, посвященных разным областям народного быта, в издаваемом в Польше ежегоднике “*Etnolingwistyka*” и “*Slownik’e stereotypów i symboli ludowych*”¹¹, отражающем польскую традиционную народную культуру; восьми томах серии “Славянский и балканский фольклор” и целом ряде сербских работ¹². Одним из выдающихся достижений этой работы стал словарь московских этнолингвистов “*Славянские древности*” (опубликовано четыре тома из пяти)¹³. Они позволяют сквозь призму календарной и обрядовой терминологии, а также лексики и фразеологии, связанной с мироустройством, культурой, мифологическими представлениями, – воссоздать

архаические пласты традиционного мировосприятия и выявить структуру, семантику и символику общеславянских фрагментов народной духовной культуры.

Взаимное сближение этимологии и этнолингвистики позволяет обеспечить большую достоверность семантического анализа и реконструкции культуры славянских народов и дает историко-культурную перспективу диалектным данным, собранным в источниках XIX–XX вв.¹⁴

Благодаря международному сотрудничеству славистов и традиции съездов достигнуты существенные прорывы в области изучения *кирилло-мефодиевского наследия*¹⁵. Особое значение этой тематики определяется, как известно, исторической спецификой славянских литературных языков, опирающихся в своем развитии на древний славянский текст Священного Писания. Нынешний исследователь получил в свое распоряжение обширный корпус научных изданий церковнославянских памятников. На основе десятилетиями формировавшихся масштабных картотек были созданы и продолжают создаваться фундаментальные словари старославянского и церковнославянского языка в его различных изводах. Большие успехи достигнуты в текстологии славянского письменного наследия, прежде всего в *текстологии славянской Библии*. Проект этой работы был выдвинут А.В. Михайловым еще на Предварительном съезде русских филологов в 1903 г.; для его выполнения много потрудился И.Е. Евсеев. В дальнейшем эта деятельность была надолго прервана из-за изменившейся политической ситуации в славянских странах; лишь в конце этого периода появились скромные “ниши” для подобных занятий. В 1985 г. А.А. Алексеевым были сформулированы теоретические предпосылки и основные задачи исследования славянского Евангелия¹⁶. Сегодня эта работа, основанная на текстологических данных тысячи с лишним рукописей, представлена двумя ценными томами критического издания “Евангелие от Иоанна в славянской традиции”¹⁷ и “Евангелие от Матфея в славянской традиции”¹⁸. Одновременно выполнялась работа над двумя другими проектами: под общим заглавием “Старобългарският превод на Стария Завет” осуществлялась публикация южнославянской версии Ветхого Завета¹⁹; в то же время были предприняты попытки реконструкции архетипических текстов в цикле изданий О. Кронштайна под общим названием “Мефодиевская Библия”²⁰.

Заметный подъем, сопровождающийся научными открытиями, многочисленными изданиями и публикациями, переживает в последнее время

*изучение литургических текстов и древнеславянской гимнографии*²¹.

Настоящий переворот в нашем историческом языкознании был вызван открытием и изучением *берестяных грамот*. По мере их накопления (в настоящее время их число превышает тысячу, а установленный ареал распространения охватывает разные славянские области) берестяные грамоты стали осмысляться как особый лингвистический источник, раскрывающий то, что остается скрытым в других памятниках древней письменности: они в неизмеримо большей степени отражают разговорный язык прошлого, чем произведения религиозной литературы, хроникальные или деловые документы, дошедшие до нас от средневековья. Исследование берестяных грамот и открытие представленной в них особой (бытовой) системы письма привело к пересмотру ряда положений традиционной истории русского языка, по-другому стала выглядеть картина древнейшего диалектного членения восточнославянского ареала, а отсюда изменились и представления о взаимодействии русских диалектов, приведшем к образованию диалектной основы современного русского языка²². Создана и стала доступной в Интернете система электронных ресурсов “Древнерусские берестяные грамоты”²³, которая включает в себя цифровые фотографии грамот, прориси, тексты, переводы, а также все необходимые сведения о документах.

Говоря о новгородских находках, нельзя не упомянуть об открытии *Новгородского кодекса* при раскопках 2000 г., содержащего славянский текст нескольких псалмов. Расположенный на трех восковых дощечках и датируемый самым началом XI в., этот кодекс стал древнейшим из известных нам датируемых памятников славянской письменности.

Изучение происхождения и развития письменности у славян, формирование славянских литературных языков и литератур, их взаимодействие с фольклорной традицией является важнейшей комплексной задачей. Ее решение предполагает подробную дифференциацию памятников по лингвистическим параметрам, установление их региональной, хронологической и иной стратификации. Важно обеспечить такой уровень *издания памятников*, который давал бы комплексную картину его места в языке, в культурной и литературной жизни общества. Соответствующая информация о памятнике добывается в результате текстологического обследования всех его списков и прояснения в них черт архетипического текста, результатом чего обычно бывает издание памятника с текстологическим аппаратом и лингвистическими указателями. В последние десятилетия в этой традиционной области славянской филологии были

несомненные достижения. Созданы новые *каталоги рукописных собраний славянских рукописей*. Изданы десятки крупнейших и важнейших славянских рукописных памятников, причем в большинстве случаев это образцовые публикации текста с научным аппаратом палеографических примечаний и текстологических вариантов, греческим исходным текстом и грамматическим словоуказателем, такие как новонайденная часть Синайской псалтири, Саввина книга, Путятина минея, Беседы Григория Двоеслова на евангелие, Ильина книга, “Шестоднев” Иоанна экзарха Болгарского, “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, Житие Андрея Юродивого, Пандекты Никона Черногорца, Типикон патриарха Алексия Студита, Устав с кондакарем конца XI–начала XII века, Хроника Георгия Синкелла, “Книга нарицаема Козьма Индикоплов”, Станиславов (Лесновски) пролог 1330 г., Пролог Ковачевича, Римский патерик, Берлинский сборник, славянские тексты Книги Есфирь и Книги Иова с толкованиями, “Песнь Песней”, Диалоги Псевдо-Кесария, “Законоправило” св. Саввы, Белградский паримейник, Мазуринская кормчая; изданы славянский Ирмологий, Октоих, древнерусский Кондакарь, новые тома служебных миней по рукописям XII–XIII вв., Великих Четий Миней митрополита Макария, грамматика Доната в русском переводе; ряд украинских памятников: Евсевиево евангелие 1283 г., Пересопницкое евангелие 1556–1561 г., “Акти житомирського гродського уряду: 1590 р., 1635 р.”, “Актова книга житомирського гродського уряду 1611 р.”, “Розмова. Бесѣда” И. Ужевича, “Гисторія” Г. Грабянки и “Лѣтопись краткій” и многие другие.

Вовлечение в научный оборот такого значительного объема источников и развитие теоретических представлений о функционировании языков и механизмах их развития привело к существенному продвижению в разработке *истории церковнославянского языка*²⁴. В частности, на смену малопродуктивным построениям, противопоставляющим церковнославянский язык древнерусскому, пришел детальный анализ текстов, описывающий представленные в этих текстах различные функциональные комбинации генетически разнородных и разновременных лингвистических черт. Еще несколько лет назад *проблема территориальной атрибуции древних славянских переводных памятников* по ряду причин (прежде всего из-за текстологической неизученности источников) казалась неразрешимой. Сегодня сформулированы закономерности, помогающие решать эту проблему²⁵.

Существенно изменились наши представления о “жанровой” *типологии древних славянских текстов*. Теоретическая разработка этой темы²⁶ позволила заметно продвинуться в понимании

природы и назначения различных славянских рукописных текстов. Важным было выступление Р. Пиккио на VII съезде славистов с идеей классификации текстов в соответствии с понятиями моделей и образцов²⁷. На последующих съездах эта тема получила развитие, обращавшее исследователей к историко-культурному контексту появления и бытования текстов, их функциональному назначению и др.²⁸. Это, в свою очередь, привело к постановке и решению новых важных вопросов – таких, как взаимодействие средневековых центров книжности и географии перемещения славянских рукописей²⁹, способы усвоения и применения писцами орфографических норм и правил³⁰ и т.п.

Объем сделанного славистикой за последние полвека – гигантский. Многие изыскания остались в истории нашей науки полезными, хотя и не оправдавшими себя гипотезами; но многие труды увенчались результатами, которые стали этапными и послужили основанием для последующего развития славистики. Так, главным и неоспоримым достижением являются многочисленные *словарные предприятия*, прежде всего фундаментальные исторические, диалектные и этимологические словари. Еще полвека назад на съездах славистов звучали сетования по поводу плачевного состояния славянской исторической и диалектной лексикографии. Сегодня в распоряжении славистов – десятки исторических словарей разных типов, охватывающих практически все хронологические периоды славянской письменности, в том числе такие многотомные словари, как пражский “Slovník jazyka staroslověnského” (и созданный на его основе однотомный “Старославянский словарь”), “Старобългарски речник”, “Staročeský slovník”, “Historický slovník slovenského jazyka”, “Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)”, “Словарь русского языка XI–XVII вв.”, “Словарь русского языка XVIII в.”, “Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.”, “Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.”, “Гістарычны слоўнік беларускай мовы”; загребский “Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije”, начали издаваться “Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција”; “Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.”. Изданы полностью или близятся к завершению многие десятки, если не сотни разнообразных диалектных словарей, материалы для которых собирали тысячи специалистов на всем пространстве славянских языков, в том числе такие большие, как “Словарь русских народных говоров”, “Речник српскохрватског књижевног и народног језика”; “Тураўскі слоўнік”, “Архангельский областной словарь”, “Псковский областной словарь” и др.

Развитие сферы филологической компетенции в XX в. привело к широкой специализации славистических дисциплин, постепенно отдалявшихся от исходной проблематики. Их изучение в западной академической традиции осуществлялось, как правило, в рамках одной “славянской” кафедры. Это привело к тому, что сегодня понятие славистики трактуется чрезвычайно разнообразно. Оно стало включать на одном полюсе фундаментальную науку (например, изучение славянской письменности или славянской этимологии), а на другом – комплекс университетских предметов с весьма расплывчатыми очертаниями, в том числе рутинное преподавание современных славянских языков будущим экономистам, бизнесменам и политологам и изучение нефилологических предметов (например, история кино).

Аналогичное развитие получили и другие области филологии, прежде всего германистика и романистика. Так, германистикой сегодня называют обычно изучение немецкого языка и литературы, и лишь в широком понимании – изучение германских языков и культур. Под романистикой понимают прежде всего совокупность вузовских предметов и лишь во вторую очередь – область филологии, комплексно изучающую романские языки и литературы, фольклор и культуру романских народов. Другое дело, что сегодня никто не может определенно сказать, совокупность каких вузовских предметов является необходимой и достаточной для репрезентации этих филологий.

На предыдущем съезде славистов в Любляне (2003 г.) обсуждался вопрос об угрозах, с которыми столкнулись многие европейские славистические кафедры в связи с введением новой системы университетского образования. Хотя реорганизация затронула далеко не все славистические центры, обсуждение этой темы вызывает эмоциональный накал в славистической среде, потому что реформы угрожают существованию научных школ мирового значения. Разделяя это беспокойство, Международный комитет славистов специально рассматривал этот вопрос на заседании в Белграде в 2005 г.

Важно, что при обсуждении этих вопросов обосновывается значение славистики для европейского образования и культуры, для политической, экономической и общественной интеграции Средней и Восточной Европы, звучат предостережения о серьезных последствиях, которые маргинализация славистики может иметь для западноевропейских культур.

И все же, смешивая “узкое” и “широкое” понимание славистики, мы приписываем состоянию фундаментальных научных исследований явления, происходящие не в ней самой, а в области университетского образования, и тогда неблагоприятное положение славянских кафедр в запад-

ноевропейских университетах предстает как кризис самой славистики или даже ее ликвидация. В западных странах занятия наукой, как правило, неотделимы от преподавания. Но было бы неверно связывать состояние научного полюса западной славистики непосредственно с сокращением спроса на университетское филологическое образование или востребованностью тех или иных традиционных славистических дисциплин или даже с судьбой отдельных кафедр. Справедливо ради нужно заметить, что эти реформы накладываются на процессы, так сказать, внутреннего порядка, связанные с “циклическостью” развития научных направлений и деятельностью выдающихся ученых и научных школ. Например, французская славистика утратила лидирующее положение задолго до этих реформ – просто потому, что ушли из жизни такие ее корифеи, как Антуан Мейе и Андре Вайан; подобным образом в Германии традиция этимологических исследований А. Брюкнера, Е. Бернекера, Р. Траутмана и М. Фасмера прекратилась задолго до наступления реформ.

Образование и наука – это, безусловно, “сообщающиеся сосуды”, но не надо думать, что увеличение числа специалистов по русскому постмодернизму может привести к прогрессу в области изучения славянской письменности или славянской этимологии или поможет устранить кадровые трудности при подготовке Общеславянского лингвистического атласа³¹.

Проблема, конечно, глубже. Облекая результаты фундаментальных исследований в мантию университетского предмета, мы невольно фиксируем их состояние, “канонизируем” вчерашнюю структуру и методологию своей науки. Когда мы защищаем чистоту этой мантии, это не прибавляет популярности славистике. Нужно ли говорить, что живая научная мысль, дыхание которой чуть-чуть улавливают студенты, не признает академических форм и канонов?

Мы видим, что “украденное” у филологии академическое время достается, как правило, не математике или биологии, а родственным гуманитарным наукам, прежде всего культурологическим предметам, которые “подгрызают” и без того скудную часть бюджетного пирога, выделяемую филологии. Культурологические предметы подчеркнута обращены к современности; они привлекают студентов интердисциплинарными исследовательскими установками, новизной теоретических подходов и умением использовать в преподавании технические средства. Но то, что университетская славянская филология проигрывает “жизненное пространство” культурологии, не может не восприниматься как досадное недоразумение, поскольку речь идет о традиционной историко-культурной части филологической те-

матики³², с которой многие “профессиональные культурологи”, не владеющие в должной мере диахроническим пониманием языка и литературы, не умеют справляться. Такое положение – это следствие досадного упущения филологии, которое она, к чести сказать, в последние десятилетия стала успешно наверстывать.

Положение славянской филологии в славянских странах (также как и германской – в Германии и романской – в Италии или во Франции) принципиально иное. Это естественно, поскольку вообще спрос на изучение национального языка в любой стране защищен конституцией и школьными учебными планами, а изучение его фундаментальных проблем и документация его источников поддерживается национальными программами научного и культурного развития. Углубленный интерес к родным языкам и культурам в славянских странах закономерно обуславливает и усиление позиций славяноведения. Конечно, не все обстоит так гладко, потому что изучение национальных славянских языков имеет тенденцию к обособлению, а изучение других славянских языков – к превращению в языковой “тренинг” для обеспечения потребности в деловых контактах. И в этом смысле проблематика местного славянского языка в его современном состоянии не только не способствует развитию, но даже теснит фундаментальную славистику. В каких-то случаях эти процессы могут быть вызваны аллергией на политические коннотации тематики славянского единства, и общественный интерес к изучению истории и культуры других славянских народов может быть невысоким из-за того, что эта тематика вызывает в памяти раздражающие идеологемы недавнего прошлого.

Даже на этом вполне благополучном фоне особенно заметна возросшая интенсивность славистических исследований в России, которая сопровождается небывалым увеличением объема научной продукции³³.

Таким образом, некоторое ухудшение позиций славистики в неславянских странах компенсируется относительным улучшением ее положения в славянских странах, прежде всего в России. Это развитие следует считать не только позитивным, но и вполне естественным. В конце концов, в прошлом западные страны были обязаны расцветом у них славистики не в последнюю очередь тем, что в послереволюционной России эта тематика подверглась жестоким репрессиям, в ходе которых многие слависты были физически уничтожены. Покинувшие в связи с этим родину выдающиеся русские ученые, такие как Н. Трубецкой, Р. Якобсон, В. Кипарский, М. Фасмер, С. Карцевский, А. Исаченко, Б. Унбегаун, Д. Чижевский, Г. Шевелев и др., принесли в Европу и в Америку традиции русской академической науки, многие

из них создали целую эпоху в западной славистике. Сохраненные их многочисленными учениками, эти традиции потом разными путями возвращались в Россию.

Тем не менее происходящие в западных университетах процессы и для славянских стран, включая Россию, являются тревожным сигналом – не только потому, что им не хотелось бы оказаться в изоляции сегодня, но и потому, что вектор политического развития славянских стран делает весьма вероятной реализацию и у них аналогичных политико-административных проектов.

Обращаясь к современному контексту славистики, многие задаются вопросом: “Кому мы сегодня нужны?”. Надо сказать, этим вопросом задаются сегодня не только слависты, но и романисты и арабисты, индологи и финно-угроведы и др. Почему филология оказывается все менее востребованной? На этот вопрос можно ответить так. В современных социумах утрачивается представление о преемственности духовной культуры. Безликое общество потребления питается только сегодняшней массовой культурой, прошлое его не интересует. Оно боится угроз, связанных с терроризмом, неизлечимыми болезнями, загрязнением окружающей среды, массовой безработицей. Но, не понимая значения гуманитарных институтов в решении этих проблем, оно не способно с ними справиться. Поэтому и будущего у него нет.

Это одно объяснение. Оно справедливо, и его фатальность действует успокаивающе.

Другой ответ менее приятен. Он состоит в том, что филологическая компетенция, знание языков и литератур, которое еще недавно считалось альфой и омегой в изучении чужих культур, сегодня оказывается недостаточным для полноценного анализа процессов развития и проблем современного общества. Филологические науки не сумели удержать “герменевтическую монополию” на текст, исключительное право на трансляцию и объяснение своего и чужого. На роль жрецов, обладающих знанием закономерностей исторического развития обществ, государств и культур и претендующих на право профессионально ставить диагноз социальным и политическим процессам, сегодня выдвинулись другие общественные науки – такие, как история, политология, социология, культурология, антропология. Преимущество этих наук перед филологией состоит в том, что они не только междисциплинальны, но и обращены к транснациональной проблематике, к поиску общего в человеческих сообществах и культурах.

Кроме того, есть и особые причины некоторого снижения интереса именно к славистике. Ситуация, существовавшая в мировой славистике в эпоху “железного занавеса”, во многом была обу-

словлена его наличием и сформировала соответствующие способы выживания и правила поведения. Все желали перемен к лучшему и в то же время не расставались с уверенностью, что без политических стимулов и даже без определенной политической конфронтации славистика не выживет. К сожалению, история славистики дает основания для таких мыслей. Интерес к изучению славянства в разных странах действительно редко обходился без идеологических и политических коннотаций. Особенно охотно востребовались темы славянского единства, “взаимности”, славянской исключительности (“славянской души”) и т.п. в славянских странах во второй половине XX в. В послевоенной политической ситуации советская идеология нуждалась в определенной дозе славянофильских идей; идея славянского родства и братства, “векового единства” и т.п. служила для обоснования целесообразности политических блоков.

Готовность не только откликаться на политический заказ, но и предлагать его власти, используя идеологические стереотипы для обоснования важности славистической работы не могла не компрометировать славистику, представляя ее неким ресурсом для политологических спекуляций. Идеологическая подоплека в обсуждении славистической тематики, в свою очередь, встречала ангажированную реакцию оппонентов, специализировавшихся на изучении идеологических феноменов и политических режимов в восточно-европейских странах. Так к обоюдной выгоде сторон (“идеологических противников”) завязывалась полемика, иногда поразительно напоминавшая “борьбу нанайских мальчиков”³⁴. Огорчаясь болезненностью перемен, не стоит жалеть о том, что этот театр ушел из нашей жизни вместе с соответствующими идеологическими заведениями.

Но не ведет ли исчезновение идеологического “фона” к постепенному свертыванию славистических исследований? И в связи с этим возникает вопрос: должна ли славистика измениться? Должна ли она отвечать на вызовы времени поисками новой идентичности? Вопрос одновременно и риторический и праздный. Сегодняшняя славистика сохраняет свои основные задачи, и при этом она уже во многом не такая, какой была полвека назад, ее облик радикально изменился. В славянских странах она больше не зависит от политической конъюнктуры, и хотя теперь ей приходится вести довольно бедное существование, зато перспектива ее развития сегодня определяется не политическим заказом или административными реформами, а внутренней логикой исследовательского процесса.

Подобно любой современной науке, славистика пребывает в постоянном движении, дробясь на

отдельные направления, уходя в смежные области и усваивая их методологию, терминологию и пр. Примером может служить лингвистика, где усиливается, с одной стороны, интерес к социальным и культурным аспектам функционирования языка, языковым контактам, этно- и глоттогенезу, к содержательной стороне языка (языковая картина мира и др.); с другой, – появляются новые системы формальных средств и теории, предлагающие разнообразнейшие варианты интегральных моделей языка. Развитие лингвистики уже давно эмансипировало ее от традиционной филологии. К ней обратились специалисты из самых разных областей знания, таких, как философия, логика, социология, психология, антропология, этнология и др., что привело к разработке общегуманитарных вопросов языка как феномена культуры.

Сходным образом обстоят дела и в других областях славистики. Так, при анализе славянских литератур сегодня привлекается широкий спектр таких новых методологий, как теория восприятия, герменевтика, деконструкция, феноменология, теория интертекстуальности и интерлитературности и др. Сравнительное изучение на материале древних славянских текстов и славянских литератур общекультурологических концепций и категорий обеспечивает возможность использования результатов такого анализа в более широких обобщениях.

Естественное развитие славистических дисциплин обнаруживает новые грани проблем, сформулированных еще на первых съездах славистов, которые по-прежнему актуальны и решение которых внешние обстоятельства могут только ускорить или замедлить, но не отменить.

В более широком освещении нуждается история *межславянского языкового и культурного взаимодействия*. От ее разработки в значительной мере зависит интерпретация вопроса о характере *славянской общности*. Этот вопрос, как известно, дебатировался еще евразийцами, выступавшими с критикой славянофильских концепций. Отвергая антропологические и этнопсихологические параметры при характеристике славянской общности, они сводили ее к родству языков и считали, что никакой культурной общности у славян не было³⁵. Такая точка зрения не была усвоена славистикой, и в дальнейшем Р. Якобсон существенно подкорректировал ее. Справедливо настаивая на том, что язык – это главное, что объединяет славян, и потому проблема славянского единства и сравнительного славяноведения относятся по существу к компетенции лингвистики, он обращал внимание на то, что эстетическая функция языка – одна из самых важных и неотъемлемых его функций. Тем самым интегральное изучение истории славянских языков с необходимостью предполагает сравни-

тельное изучение славянской поэтики: выявление и интерпретацию с точки зрения “поэтических последствий” сходства славянских языков в области не только фонологии и грамматики, но и словаря и фразеологии. Другая область межславянского взаимодействия – церковнославянский язык и общеславянская письменная традиция, межславянский литературный обмен в раннем Средневековье и его дальнейшие судьбы, а также тесно связанное с языковой проблематикой кирилло-мефодиевское идеологическое наследие и постоянно присутствующий в славянских литературах со времен Средних веков и до наших дней упор на языковую солидарность³⁶.

Вся эта сфера межславянского взаимодействия, охватывающая общее текстовое наследие славян и получившая в дальнейшем название *Slavia orthodoxa*³⁷, сегодня образует центральную часть славистики. В последние десятилетия эта тематика успешно разрабатывалась в разных направлениях³⁸, однако остается много вопросов. В дальнейшем изучении нуждаются, в частности, такие темы, как значение Чешской библии XIV–XV вв., которая была источником для библейской работы во всех славянских странах; сохранение единства глаголической и кириллической литературной традиции, несмотря на конфессиональные различия; роль Украины в XVII в. как сильного общеславянского культурного центра; история церковнославянского языка в Новое время и его роль в формировании национальных литературных языков и др.

Весьма актуальной задачей является культурно-исторический анализ *славянского самосознания и идеологии славянской этнической общности и славянского единства* в эпоху древнейших славянских государств, славянского Средневековья и раннего Нового времени. Эта идеология, строившаяся на представлении о языковой гомогенности славян, как известно, по-разному проявлялась в разных частях славянского мира (“Повесть временных лет” Нестора, хроники Галла Анонима и Козьмы Пражского, “Летопись попа Дуклянина”; деятельность чешского короля и германского императора Карла IV; польский сарматизм, хорватский панславизм, православный универсализм в России Алексея Михайловича и др.), но во всех случаях она вовлекала в сферу актуальных культурно-политических интересов все многообразие идеологических аспектов: языковое, культурное, литературное, религиозное. Без изучения этой проблематики невозможна обоснованная постановка задач в последующей истории славянства, в частности, изучение роста национального самосознания славянских народов в XVIII–XIX вв., формирования славянского самосознания у западных славян, национального возрождения у южных славян, сложных и имеющих

определяющее значение для всего региона процессов национального самосознания в России. Все эти явления находят отражение в разных аспектах исторической динамики: и во взаимодействии славянских языков, и в многоуровневом сплетении славянских литературных движений эпохи романтизма и становления реализма, и в политической, социальной и религиозной истории³⁹. Плодотворные подходы к изучению таких специфических для славянских культур концептуальных элементов, как “славянская взаимность”, “славянский мир”, “славянская нация”, “общность исторических судеб славянства” и т.п., и условий их актуализации на разных этапах исторического развития сегодня связаны с использованием культурологических категорий (“свой” и “чужой”, образ врага и т.п.), типологии национальных самооценок (например, представлений о миролюбивом нраве славян, “славянской душе” и т.п.)⁴⁰. В этом аспекте представляет интерес рассмотрение эволюции представлений о лидерстве России в славянском мире, о ее заступнической миссии по отношению к другим славянским народам, о необходимости преодоления политической разобщенности славян в разные эпохи и т.п.⁴¹.

Обсуждение этих вопросов имеет длительную историю, богатую различными интерпретациями. Выступая в качестве идеологических конструкций, они формировали политические интенции, оказывавшие порой весьма значительное влияние на ход исторических событий. Сегодня и сами эти интерпретации, и их авторы стали или становятся фактами уходящей истории, материалом для изучения. Тем не менее излишне говорить, какое значение имеет научное освещение этих концептов для осмысления их роли в современном мире, подверженном рецидивам опасных заблуждений и предрассудков.

В последние десятилетия славистическими дисциплинами были освоены новые методологические средства и новые области знания; при этом славистика в целом не утратила способности к комплексному видению проблем. Можно полагать, что дальнейшее развитие пойдет по пути интеграции разных мнений и исследовательских направлений, обобщения полученных данных о происхождении, историческом развитии и взаимодействии славянских языков, литератур и культур; усиления интереса к типологическим аспектам рассмотрения событий и явлений, помещающим исследование славянской тематики в мировой социокультурный контекст. Перспективность этого пути, с которого славистика, строго говоря, никогда не уходила⁴², в последнее время становится все более очевидной в связи с интересом современных сообществ к проблематике мультикультурности и растущей по этой причине потребностью в средствах адекватного перевода

и объяснения культурных концептов. Речь идет о развитии разнообразных *культурологических направлений филологии*, связанных с изучением в исторической перспективе слов и текстов, а также стоящих за ними мировоззренческих и когнитивных категорий (время, пространство, человек, граница, свобода, брак, гендерные различия, эротика; оппозиции: центр – периферия, добро и зло, свой – чужой, *sacrum* – *profanum*, жизнь и смерть и т.п.). Применение методов и концептуального аппарата разных гуманитарных дисциплин должно в конечном итоге привести к выявлению и осмыслению культурных кодов и ключевых концептов славянских культур.

Как показывают исследования по лексической семантике, различия языков соотносятся с определенными чертами присущей тому или иному языковому коллективу ментальности. Эти свойства языков описываются понятием *языковой картины мира* или наивной языковой картины мира⁴³. Соответствующие процессы плодотворно изучаются *исторической семантикой славянских языков* (историей понятий). В частности, важнейшими составляющими древней картины мира являются категории времени и пространства, они задают образ мира, определяют основные элементы его структуры. Поэтому древние концепты пространственных отношений и исходные семантические мотивировки, лежащие в основе номинации пространственных отношений, представляют особый интерес. Поскольку восприятие человеком окружающего мира определяется культурно-историческими условиями и реализуется через призму лексической семантики, эта задача решается путем семантической реконструкции по данным лексики праславянской эпохи⁴⁴. Такой семантический подход, учитывающий данные археологии, этнографии, первобытного искусства, мифологии, фольклора, ритуалов и др., открывает путь к раскрытию актуальных для древнего славянского мировидения категорий.

Важная, но не освоенная в славистике проблематика – история и генезис славянской *массовой (“народной”) культуры*. Нуждаются в новом осмыслении взаимоотношения между “высокой” культурой элитарных групп и массовой культурой. Не выяснен очень важный и трудный вопрос о том, какие тексты читали в славянских странах представители разных социальных групп в разные эпохи или (для новейшего времени): что читали читатели в то время, когда писали их литературные классики.

Литература, как известно, не только “отражает” жизнь, но и формирует ее культурное содержание. Она порождает различные религиозные, социальные и культурные модели поведения в соответствии со своими жанровыми, нарративными и риторическими особенностями. Православная

религиозная жизнь так же невозможна без житий святых, из которых усваиваются нормы благочестия и праведности, как и без самих святых. Память жанра, сосредоточиваясь в литературе, служит моделью, на которой основана культурная память в целом. И в данной перспективе литературоведческие исследования сегодня претерпевают интердисциплинарное “расширение” во взаимодействии с историческим, лингвистическим, этнокультурным и социокультурным анализом⁴⁵.

Исследование славянских языков в перспективе культурной истории предполагает их подробное и тщательное *лексикографическое описание* во всей полноте этимологического, исторического и диалектного разнообразия. Дальнейшая работа над фундаментальными словарями славянских языков разных типов требует всемерной поддержки. Изучение истории слов и ее лексикографическое представление позволяет, с одной стороны, увидеть константы славянских культур, языковой картины мира разных славянских народов на разных этапах их развития, а с другой – понять, как трансформировались понятия, передававшие основные моменты культурной жизни – религиозные, личностные, исторические; эти семантические трансформации соотносятся с эволюцией культурных практик и социально-поведенческих моделей. Полноценное описание истории понятий в славянских языках в духе *Begriffsgeschichte* остается одной из важнейших задач⁴⁶.

Современные филологические исследования все в большей степени обращаются к *реальным текстам*. Все чаще звучат голоса о том, что предметом языкознания является не язык в сосюрловском понимании (*langue*), а устные и письменные тексты; язык же, как соединение грамматики и словаря, является не искомым объектом лингвистического исследования, а его результатом⁴⁷. В частности, лингвистика сегодня апеллирует уже не к внутреннему чувству филолога – носителя исследуемого языка и не к абстрактным понятиям грамматической или семантической правильности, а к засвидетельствованному в устных и письменных текстах употреблению⁴⁸. Оно отнюдь не всегда последовательно, и одна из задач, поставленных современным языкознанием, – объяснить природу, а при возможности и причины этой непоследовательности. Эта общая тенденция современного языкознания привела к возвращению *корпусной лингвистики*. Корпусная лингвистика, требующая работы с большими объемами информации и быстрой их обработки по целому комплексу параметров, стала возможной благодаря развитию компьютерной техники.

До сих пор не всеми (и даже не всеми филологами) осознано значение и перспективы лингви-

стических корпусов. Многие воспринимают их как коллекцию текстов. На самом деле построение лингвистических корпусов, включающих тексты общей длиной во многие миллионы слов⁴⁹, является особым представлением языка. Поскольку все слова в корпусе обладают грамматической разметкой, поиск в корпусе приносит совокупность грамматических и семантических контекстов, в которых может употребляться каждый данный лингвистический элемент. Такой поиск открывает перед изучением языка совершенно новые перспективы. Это послужило стимулом для создания национальных корпусов ряда языков, в том числе славянских. Они предназначены прежде всего для работы в области современного состояния соответствующих языков. Но первые же эксперименты с корпусами открыли их невероятные, не предполагавшиеся ранее возможности в изучении языковой эволюции: на хорошем, представительном корпусе можно изучать изменения, происшедшие в языке, например, за десять или двадцать, или пятьдесят лет или даже за два-три года. Причем делать это становится необычайно легко, благодаря заложенной в корпус информации о хронологии текстов. Получая возможность регистрировать в деталях процесс развития языковых явлений, мы наконец прекращаем бессмысленный спор о противопоставлении синхронии и диахронии.

Тем самым логика развития корпусов диктует необходимость расширения их хронологического диапазона. В частности, над этим сейчас работают создатели Национального корпуса русского языка. Опускаясь по хронологической “лестнице” текстовых источников, они без особого труда преодолели новый рубеж, включив в корпус материалы XVIII в., который сравнительно неплохо представлен печатными, в том числе опубликованными в XX в., текстами, поддающимися автоматической обработке. Однако более древний русский и церковнославянский рукописный материал XI–XVII вв. несопоставим по сложности с текстами новейшего времени. Специфика большинства церковнославянских текстов состоит, как известно, в том, что они, во-первых, дошли до нас не в оригинале, а в более поздних списках, и для понимания их места в рукописной истории данного текста требуется текстологический анализ всех списков. Во-вторых, каждый из списков ставит перед исследователем разнообразные проблемы прочтения, и предпосылкой его правильного прочтения является анализ графико-орфографической системы рукописи. Для того, чтобы рукописный текст был корректно зафиксирован в электронной форме, должен быть определен инвентарь используемых в нем графических средств и установлено орфографическое значение каждого знака, при этом сам знак должен быть в наличии в принятой системе. Иными сло-

вами, неограниченные возможности компьютера не отменяют необходимости анализа графико-орфографических особенностей каждой рукописи и принятия обоснованных решений о репертуаре используемых в издании буквенных знаков.

Другим минимальным условием универсального представления текстов в корпусе является наличие информации о лингвистических характеристиках слов (лингвистическая “разметка” текста) и унифицированное представление текстологически важных разночтений списков. Благодаря этим качествам корпуса мы, в частности, получаем возможность описывать специфические комбинации грамматических и лексических признаков, представленные в каждом памятнике, и группировать тексты по совокупности выявленных лингвистических параметров, а не по случайно отобранному отдельным признакам. Эти результаты существенным образом корректируют традиционные взгляды на церковнославянскую языковую норму и становятся важнейшим условием построения истории славянских языков.

Это подводит нас к необходимости создания в Интернете общедоступной *электронной библиотеки древних славянских рукописей* на основе единой базы данных с широкими возможностями для научно-исследовательской работы, образования и просвещения, включающей не только электронные копии рукописей, но и аппарат грамматических определений, греческих соответствий, палеографический и текстологический комментарий и др. Такая библиотека позволит в режиме on-line осуществлять запросы и готовить выборки лингвистических и текстологических единиц всех представленных в библиотеке рукописей; осуществлять сравнение выборок между собой; получать сравнительные характеристики и сравнительные указатели фрагментов и единиц рукописей. При этом участники работы смогут наполнять базу данных лингвистической, текстологической, комментирующей и иной информацией непосредственно через Интернет⁵⁰.

Необходимо осознать, как много может изменить в нашей работе использование компьютеров. Речь сегодня идет не просто об автоматизации рутинных операций в области подготовки источников, а о новой методологии их обработки, новых аспектах их исследования и новых возможностях международной организации этой работы.

В этом направлении сделано уже немало⁵¹. Теперь необходимо, чтобы результаты этой работы стали общедоступными, а для этого они должны быть необходимым образом унифицированы, включая вопросы формата, международной кодировки, правил представления текста и т.п. Совершенствование этой технологии должно привести к созданию широкой и предельно доступной

эмпирической базы славистики, интегрированной в европейские информационные стандарты.

Задачи, стоящие перед современными обществами, требуют особого внимания к их информатизации и поддержанию культурных традиций, поскольку извлекаемые из культурных текстов уроки истории могут внести неоценимый вклад в поиск компромисса между преемственностью и инновациями. Особую актуальность эти уроки приобретают в период поиска ориентиров общественного развития, переплетаясь с проблемами позиционирования государств и стран в общеевропейской истории и культуре. Филология, ведающая знанием документальных источников, переводящая древние тексты на язык современности, выступает как важнейший деятель в решении этих задач. Чтобы сохранять за собой этот приоритет и не превратиться в парк Юрского периода, наша наука должна оставаться на уровне современных методов в организации изучения, документации и трансляции славистических знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Трубачев О.Н.* Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII международный съезд славистов (Краков, 1998 г.). Доклады российской делегации. М., 1998, с. 3–33.
2. *Meillet A., Tesnière L.* Projet d'un atlas linguistique slave, Premier congrès des philologues Slaves à Prague. 1929.
3. См.: *Вендина Т.И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–2008). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008, с. 96–118.
4. *Общекарпатский диалектологический атлас.* Вып. 1. Кишинев, 1989; вып. 2. М., 1994; вып. 3. Warszawa, 1991; вып. 4. Львів, 1993; вып. 5. Bratislava, 1997; вып. 6. Budapest, 2001; вып. 7. Београд – Нови Сад, 2003.
5. *Малый диалектологический атлас балканских языков: Пробный выпуск.* München, 2003; Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. München, 2005; Серия лексическая. Т. 2. Человек, семья. München, 2007.
6. *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева.* Вып. 1–33–. М., 1974–2007–.
7. *Słownik prasłowiański.* Т. 1–8–. Wrocław etc., 1974–2002–.
8. Отчасти, возможно, из-за того, что среди специалистов нет единства во взглядах на время существования собственно праславянского языка. См.: *W. Mańczak.* Przedhistoryczne migracje Słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Kraków, 2004, s. 28–45.
9. Наряду с завершёнными или завершаемыми этимологическими словарями такого масштаба на материале верхне- и нижнелужицкого, белорусского, болгарского, польского, русского, сербского и хорватского, чешского, украинского и др. языков (*Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1978–1988; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Вып. 1–10. Мінск, 1978–2005; *Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Йв. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др.* Т. 1. София, 1962–; *Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. 1–5. Kraków, 1953–1979; *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997; *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–4. Zagreb, 1971–1974; *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971; *Boryś S., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Т. 1–4. Warszawa, 1994–2002; *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg, 1953–1958; *Етимологічний словник української мови.* Т. 1–5. Київ, 1982–2006; *Etymologický slovník jazyka staroslověnského.* Sv. 1–11. Praha, 1989–2002), в последнее время начали создаваться новые масштабные этимологические словари: “*Етимолошки речник српског језика*” (Ур. М. Бјелетић, Ј. Влајић-Поповић, А. Лома, С. Петровић, уз сарадњу М. Вујковић, и М. Ђокић. Ур. А. Лома. Т. 1–2–. Београд, 2003–2006–) и “*Русский этимологический словарь*” А.Е. Аникина (Вып. 1–2. М., 2007–2008–).
10. См., в частности, ответы И. Дуриданова на анкету журнала *Slavia* (*Дуриданов И.* Актуални проблеми на славянската филологија // *Slavia*, roč. 65, seš. 1–2. 1996, s.16).
11. *Słownik stereotypów i symboli ludowych.* Pod red. J. Bartmińskiego, zast. red. St. Niebrzegowska. Т. 1. Z. 1. Lublin, 1996; Т. 1. Z. 2. Lublin, 1999.
12. См.: *Раденковић Љ.* Народна бајања код јужних словена. Београд, 1996 и его же: *Симболика света у народној магии јужних словена.* Београд, Ниш, 1996; *Sikimić B.* Etimologija i male folklorne forme. Beograd, 1996; журн. “*Расковник*”, серия “*Коды славянских культур*” под ред. Д. Айдачича; серийное издание “*Етно-културолошки зборник*”, посвященное народной культуре восточных регионов Сербии (4 тома) и др.
13. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь.* М., 1995. Т. 1.; М., 1999. Т. 2.; М., 2004. Т. 3.; М., 2008. Т. 4.
14. См.: *Плотникова А.А.* Этнолингвистика и линвогеография (на материале южнославянских языков и традиций) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008, с. 396–417.
15. Состояние разработки этих проблем во многом отражает “*Кирило-Методиевска енциклопедия*”. Т. 1–4. София, 1985–2003.
16. *Алексеев А.А.* Проект текстологического исследования Кирилло-Методиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 82–95. О типологии славянских библейских текстов и методике их изучения, а также полный очерк истории возникновения и бытования славянских библейских переводов в эпоху средневековья см.:

- Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
17. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. Изд. подгот. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Ванева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 1998.
 18. Евангелие от Матфея в славянской традиции. Изд. подгот. А.А. Алексеев, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, М.Б. Бабицкая, Е.И. Ванева, А.А. Пичхадзе, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 2005. Об истории изучения славянской рукописной традиции Евангелия см.: *Garzaniti M.* Die altslavische Version der Evangelien. Köln, 2001.
 19. Старобългарският превод на Стария Завет. Под общата редакция и с въведение от С. Николова. Т.1: *Златанова Р.* Книга на дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998; Т. 2: *Тасева Л., Йовчева М.* Книга на пророк Иезекиил с тълкования. София, 2003; см. также: *Мострова Т.* Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV–XVI век // Старобългаристика. 1995. № 2, с. 9–26.
 20. См.: Die slawischen Sprachen. № 34, 37, 38, 40, 42, 45, 47–49 (1993–1996). Издатели Д. Атанасова, И. Дидаверин, Д. Дунков.
 21. Этой теме на XIII съезде был посвящен тематический блок “Древнеславянская литургическая поэзия”, организованный К. Станчевым. См.: *La roesia liturgica slava antica.* Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21. Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni. Sofia, 2003. Существенный вклад в разработку этой тематики внесли доклады, прочитанные на конференции в Бонне в 2005 г. и опубликованные в сборнике: *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit.* Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7–10. Juni 2005. Herausgegeben von Hans Rothe und Dagmar Christians. Paderborn – München; Wien; Zürich, 2007. См. также: *Турилов А.А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб) // Старобългарска литература. Кн. 35–36. София, 2006, с. 22–37.
 22. Фундаментальное значение имела здесь монография академика А.А. Зализняка “Древненовгородский диалект” (Изд. 2. М., 2004).
 23. <http://gramoty.ru>
 24. *Живов В.М.* Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998, с. 212–247; *Молдован А.М.* Лексическая эволюция в церковнославянском // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003, с. 395–413.
 25. См.: *Пичхадзе А.А.* Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI–XIII вв. // Русский язык в научном освещении 2002. № 2 (4), с. 147–170; *Пичхадзе А.А.* Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008, с. 152–172 и др.
 26. См.: *Сазонова Л.И.* Литература Средневековой Руси в контексте Slavia Orthodoxa: теоретические и методологические проблемы исследования жанров // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов (Краков, 1998 г.). Доклады российской делегации. М., 1998, с. 5–21.
 27. *Picchio R.* Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. II. The Hague; Paris, 1973, p. 439–467.
 28. См.: *Seemann K.-D.* Gattung, Gebrauchsfunktion und Schreibart in der altrussischen Literatur // Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988. Köln; Wien, 1988, S. 569–580.
 29. См.: *Турилов А.А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV–первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах. 2000. М., 2001, с. 247–285.
 30. См.: *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
 31. См. *Topolińska Z.* Ekologia slawistyki językoznawczej // *Władysław Lubaś, Ingebor Ohnheiser, Zuzanna Topolińska.* Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej. Opole, 2003, s. 63.
 32. Примечательно, что, используя расхожую метафору “культура как текст” (см., например: *Bachmann-Medick, Doris.* Kultur als Text. Die anthropologische Wende in der Literaturwissenschaft. Frankfurt a. M., 1996.), культурология стремится встроить свою методологию в respectableную филологическую традицию.
 33. См. *Молдован А.М.* Славистические исследования в России // “Славяноведение”. 2006. № 4, с. 3–15.
 34. Касаясь этих аспектов истории славянской филологии, Х. Ротэ напоминает, что целью науки является стремление к познанию, а не взаимопонимание между народами. Наука может прийти на помощь, когда речь идет о восстановлении взаимоотношений между народами. Но не как *ancilla theologiae politicae* и лишь там, где не будет затронута ее стремление к научной истине (*Rothe H.* Slavische Philologie in Deutschland: Schulen und Wandel // *Kritikon Litterarum.* 31. Jg. 2004, Hf. 3/4, S.122).
 35. Ср.: «“Славянство” не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое. Язык и только язык связывает славян друг с другом» (*Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995, с. 206–207). Сходные мнения высказывали А.Мейе (*Meillet A.* De l’unité slave // *Revue des études slaves.* I. 1921, p. 7–14), И.А. Бодуэн де Куртенэ (*Baudouin de Courtenay J.*

- Czy istnieje osobna kultura słowiańska? // *Przegląd Warszawski*. V. 1925, s. 93 и сл.) и др.
36. *Jakobson R.* The Kernel of Comparative Slavic Literature // *Harvard Slavic Studies*. Vol. I. Cambridge, Massachusetts, 1953. Рус. пер.: *Якобсон Р.* Основа славянского сравнительного литературоведения // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987, с. 23–79.
 37. См.: *Studia mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*. V. 1-2. Roma, 1986; *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М., 2003.
 38. См. изданные Р. Пиккио и Х. Гольдблаттом два тома “Aspects of the Slavic Language Question” (New Haven, 1984), получившие широкий резонанс в славистике.
 39. См.: *Мыльников А.М.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб., 1996; *Brogi Berkoff G.* *Królestwo Słowian. Historiografia Renesansu i Baroku w krajach słowiańskich*. Warszawa, 1998; *Welkie mity narodowe Słowian*. Poznań, 1999 и др.
 40. Некоторые из этих подходов намечены в сборнике: *Inventing Slavia / Изобретение Славии*. Praha, 2005.
 41. См.: *Россия в глазах славянского мира*. М., 2007.
 42. Достаточно упомянуть здесь целое направление славянских этнолингвистических исследований, развивающих идеи В. Гумбольдта, А.А. Потемби и др. и нацеленных на семантическую реконструкцию не только славянской языковой картины мира, но и отраженных в ней ценностных, мировоззренческих категорий славянской культуры.
 43. Укажем, в частности, на весьма плодотворные исследования русской языковой картины мира в разных аспектах. С одной стороны, в рамках проекта под руководством Н.Д. Арутюновой “Логический анализ языка” (нашедшем отражение в одноименном многотомном издании) было изучено языковое выражение таких фундаментальных областей человеческой деятельности, как модели действия, ментальные действия, речевые действия, ориентация человеческой культуры в пространстве и времени, хаосе и космосе, этические параметры, прагматика смеха и т.д. Исследования основывались на представлении о том, что в образовании высказывания действуют разнородные факторы: ментальные категории и знания о мире, ценностные системы, “житейская логика”, целеполагание высказывания и иные его прагматические аспекты. В этом же русле проведено исследование концептов русской культуры (*Ю.С. Степанов*. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997). В несколько другом направлении располагаются исследования Московской семантической школы, возглавляемой Ю.Д. Апресяном, в которой языковая картина мира восстанавливается на основе словаря в целом – в большей степени, чем на основе отдельных концептов. Такой подход позволяет выделить универсальные и этноспецифичные элементы языка; последние понимаются как отражающие “особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков”. (См.: *Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян*. М., 2006).
 44. *Куркина Л.В.* Система пространственных представлений древних славян (по материалам лексикона) // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов*. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003, с. 356–375.
 45. См.: *Brogi Berkoff G.* *Królestwo Słowian...; Zelenka M.* *Literární věda a slavistika*. Praha, 2002; *Софронова Л.А.* *Культура сквозь призму поэтики*. М., 2006; *Сазонова Л.И.* *Литературная культура России. Раннее Новое время*. М., 2006; *Vom Körper zur Schrift. Herausgegeben von M. Schnitter, E. Vavra u. H. Wenzel*. Sofia, 2007; *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. М., 2007.
 46. Ср.: *Thiergen P.* *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat*. Köln; Weimar; Wien, 2006.
 47. См., например: *W. Mańczak.* *Przedhistoryczne migracje Słowian...*, s. 21–23.
 48. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 2 (16) (в печати).
 49. В Национальном корпусе русского языка сегодня более 140 млн. словоупотреблений.
 50. Эти задачи уже сегодня решает разработанная в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН программа АТЕ (Ancient Text Editor) с широким спектром возможностей. Программа позволяет проводить в полуавтоматическом режиме грамматическую разметку словоформ, связывать их с соответствующими формами греческого оригинала, указывать начальную (словарную) форму как для славянской, так и для греческой словоформы и многое другое. Посредством этой программы создан корпус древнейших восточнославянских переводов с греческого языка. На сегодняшний день в корпус входят “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, “Пчела”, “Житие Андрея Юродивого”, “Александрия”, “Студийский устав”, цикл древнейших “чудес” Николая Мирликийского и др.
 51. См.: *Activities of the Commission on the Computer-Supported Processing of Mediæval Slavonic Manuscripts and Early Printed Books to the International Committee of Slavists carried out at the Department of Old Bulgarian Literature, Institute of Literature BAS (2004–2007)* (опубликовано на сайте: http://www.obshchizhitie.net/commission/otchet_comiss_2007.html).